30.07.98

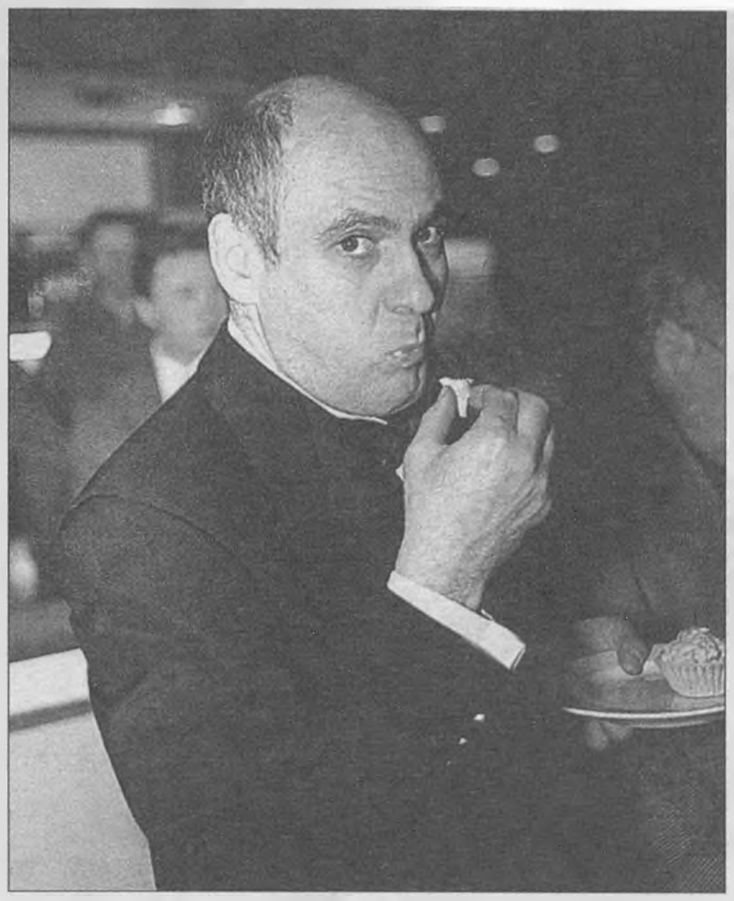
Беседа с кумиром

Ян Арлазоров:

Куранты.-1998-30 июля.-с.32.

“Я на эстраде, как на ринге!”

К нему накрепко пристало словечко “мужик” — любимое обращение в зал одного из его эстрадных персонажей. И хотя Ян АРЛАЗОРОВ тридцать лет проработал в Театре имени Моссовета, знают и любят его как артиста эстрады.



Арлазоров Ян

— Ян, вы тридцать лет играли в Театре имени Моссовета, но сейчас выступаете только на эстраде. Предполагаете ли вернуться на драматическую сцену?

— Думаю, в театр я уже не вернусь. Хотя в Сочи на “Кинотавре” меня познакомили с Юрием Петровичем Любимовым, которого я всегда любил и боготворил. Он сейчас создает спектакль “Шарашка” по роману Солженицына “В круге первом” и предложил мне роль. Конечно, с ним я бы хотел работать. Он вахтанговец, как и я, все делает ярко, театрально. Но боюсь за себя: что-то во мне сломалось. Хотя когда я поступал в Щукинское училище, мною двигала любовь к театру. К театру, а не к шаблону. Я не люблю традиционное искусство. Не люблю, к примеру, классический балет — мне ближе Бежар. Но вот вахтанговскую “Принцессу Турандот” — с импровизациями масок, обращением в зал — считаю замечательным зрелищем, которое вполне могло бы быть и на эстраде.

Но тридцать лет работы в Театре имени Моссовета, видимо, отвратили меня от театральных подмостков. Знаете, Раневская говорила: “Я иду в театр, как на аборт”. Великая актриса, а играла в театре всего две роли. Я получал триста или четыреста рублей, играя в спектакле “Шум за сценой”, который восемь лет шел на аншлаге. Предлагал: “Давайте буду делать свои концерты или еще что-то под вашей “крышей” — это же мой дом!” И — никакой реакции. Когда уже ушел из театра, понял: надо было сделать это раньше.

— Не верится, что в вашей театральной жизни совсем не было ничего отрадного...

— Было. Работа с Раневской, Пляттом, Мордвиновым, Марковым, Юрским, Жженовым. Благодаря общению с этими мастерами я теперь могу на эстраде стопроцентно отличить, кто артист, а кто нет. Как кто-то правильно сказал, звезд много — артистов мало. В театре я впервые пытался делать то, к чему пришел сейчас. В спектакле “А существует ли любовь?” — спрашивают пожарные” по Радзинскому я подъезжал на машине, перекрывал площадь перед входом — и зрители не понимали, что происходит: то ли съемки, то ли еще что? Ну и, разумеется, приятно было приходить на работу каждый день в центр, на площадь Маяковского.

— Понимание профессии тоже дал театр?

— Увы, нет. Там этому не учили. Пожалуй, я даже не уверен, могу ли я назвать себя профессионалом. Но убежден: к профессии ты можешь прийти сам. Это как в йоге: есть учитель-гуру, но какие-то вещи нужно постигать только самому. Хотя в плане профессии мне очень много дал Центральный детский театр, куда я попал по распределению. Маленьких детей не заставишь смотреть спектакль насильно, если им неинтересно. Я играл Пса в “Сказках Пушкина”, помните: “Ей навстречу пес, залая, прибежал и смолк, играя”. Конечно, ждал момента, когда съем отравленное яблочко и пойду домой, но на сцене выкладывался. Знал: если дети мне не поверят, в любой момент могут начать бросаться конфетками, стрелять из рогатки, кричать. Это как в цирке, где клоун обязательно должен заставить публику смеяться. И на эстраде — то же самое. Когда начал там работать, меня никто не знал. Объявляют других артистов — лом аплодисментов, говорят: “Арлазоров!” — ноль реакции. Я должен был набирать очки и побеждать, чтобы мне аплодировали не меньше. И я “заводил” зал, завоевывал его, смешил. А научил меня этому детский театр.

— Напомните, как пришли на эстраду.

— Помог Утесов, который для меня — олицетворение интеллигентности на эстраде. Он никогда не давал понять: вот я — величина, а ты — никто. Тогда я вел “антиюбилей” Плятта в Доме актера и делал пародию на критика Капралова, ведущего “Кинопанорамы”. Утесов это увидел, позвал меня к себе домой, попросил еще что-нибудь показать. Смотрел, к слову, как ребенок. И он меня “вытянул”, послал на конкурс артистов эстрады, где был председателем жюри Райкин. Сказал мне: “Он не продается, Райкин, понимаешь? Или ты пройдешь, или не пройдешь”. И Аркадий Исаакович вручил мне диплом, чем очень горжусь.

— В номерах вы часто задействуете публику — заставляете изображать то тещу, то часы с кукушкой, а то и английскую леди. Как выбираете партнеров?

— Чисто интуитивно, в секунды. Бывают проколы, человек говорит: “А чего это я должен такое делать?” Тут попадание — вещь необъяснимая. Но родился прием от природы того, что я на эстраде делаю. Нельзя, чтобы все работали одинаково — выходили к микрофону и говорили текст. Это не искусство. Каждый артист, работающий в нашем жанре, должен уметь делать что-то свое. Тут нельзя быть вторым — надо быть первым. Когда я начал работать с залом, этого не делал никто, никто не ходил по тропе, которую нашел я. Это сейчас все туда кинулись, и мне уже стало неинтересно.

— К вам намертво приклеилась кличка “мужик”, которой вы обязаны одному из своих персонажей. Не обижаетесь?

— Это только возвеличивает. Потому что, если мне скажут “не мужик”, я просто обижусь. “Мужик” — это нормально. К Гене Хазанову пристал когда-то “кулинарный техникум”, к кому-то — “Люлек”, к кому-то — “Люся”. Ничего плохого в этом нет. Когда-то “делал” в концертах женщину которая говорила “Гос-споди”, и это тоже прилепилось. Про женщину написал Альтов, про мужика — Трушкин. Но образ придумать может только артист, который с этими авторами работает. Это маска, а материал к ней берется отовсюду. Вот у нас в Театре им. Моссовета был рабочий сцены, разговаривал так, что ничего понять было нельзя. И мне это пригодилось. Я пародировал много — все с этого начинают. А когда надеваешь маску, легче импровизировать. Чувствуешь себя свободнее, потому что ты уже не ты и все претензии не к тебе. Это не я дурак, а маска дурака.

— Поэтому и в жизни частенько под дурачка работаете?

— Шут всегда работает под дурачка, мол, чего с него взять? Но шут — это великое звание: он и философ, и актер, и король. Мы как-то втроем — Гена Хазанов, Задорнов и я — в Америку ездили. И у нашей программы хорошее название было – “Короли смеха”. К людям, которые умеют смешить, веселить, всегда тянутся. Меня жизнь с такими сталкивает — и это фантастика! Миша Жванецкий — это ведь гений! Шура Ширвиндт, Рома Карцев — люди уникальные. Когда мы едем, скажем, в Ленинград и в купе собираются вместе Жванецкий, Ширвиндт, Арканов, Гриша Горин, Юра Рост, происходит что-то неповторимое. Если бы можно было это записать, великая вышла бы рукопись. У Арканова есть точное определение таким людям — “смехач”. Мне оно очень нравится. Маска? Может быть. Но, скорее, “впрыгивание” в образ, кураж, как это называется на театральном языке. Карнавал цирка, эстрады. Ты должен себя вздрючить — без алкоголя, наркотиков. Просто ты профессионально переключаешь себя в это состояние. Маска меня не коробит — совсем оголенным выходить к людям можно только в документальном кино. А искусство, которым я занимаюсь, — больше площадное, уличное. Артист эстрады — это боксер, который работает на ринге. И тут не может быть ничего, кроме победы или поражения, как в любом честном бою.

— Не так давно вы отметили свое пятидесятилетие, пригласили на юбилейный вечер множество популярных артистов. Это ваши друзья?

— У меня нет друзей – я одинокий волк. Не беру на себя смелость сказать, что тот же Саша Розенбаум — мой друг, хотя очень тепло к нему отношусь и хочу верить, что он ко мне тоже. Но, скорее, это я ему хотел бы быть другом, человеком, на которого можно опереться в трудную минуту. На вечер я пригласил артистов, которых безумно люблю и уважаю.

— Уровень современного эстрадного искусства вас не раздражает?

— Наверное, постепенно мы придем к тому, что будем считать эстрадой то, что считается ею на Западе: варьете, кабаре, где работают артисты. Вот мы приехали в Атлантик-сити, а там в отеле “Хилтон” Лайза Миннелли раз в неделю выступает. Недаром Гена Хазанов сейчас хочет сделать из Театра эстрады вариант “Лидо”. Но думаю, что это не помешает и старому уютному и доброму залу существовать вечно. Однако для новых программ нужны классные эстрадные режиссеры, а их нет. Придумать семи – десятиминутный номер труднее, чем трехчасовой спектакль, потому что это должен быть убой, пуля, которая бьет точно в цель. Я бы сам хотел этим заняться — меня это очень интересует.

— Гастролируете по-прежнему много?

— Почти год никуда не ездил — дома с мамой не все было в порядке. А гастролировать надо — не только для того, чтобы деньги получать, а чтобы форму не терять, проверять номера на публике. Просто так ездить, без пользы, бессмысленно: это надоедает, утомляет, изматывает. Но знаете, чего мне еще хочется? Сделать телевизионную передачу из тех импровизаций, которые устраиваю прямо на улице. У меня уже отсняты какие-то куски, да кому показать, не знаю. Я же не хожу на тусовки.

— На эстраде вы свободны, раскованны. А в жизни, похоже, застенчивы?

— Очень нескромно давать себе какие-то определения. Но, думаю, вы правы. Я с детства такой. Мои родители — мама у меня медик, папа — адвокат — хотели, чтобы я стал врачом. Но я думал, что буду или парапсихологом, или актером. Учился у Зои Александровны Блюминой, которая первая в Москве создала школьный театр, а мне открыла дорогу на сцену, за что я ей безмерно благодарен. Помню ее до сих пор. Она на уроках литературы разрешала мне бегать, шалить, договаривалась с другими учителями, чтобы меня не трогали. Я же ничего не понимал ни в химии, ни в математике, ни в физике. Но родители воспитывали меня по полной программе, в Ленинград возили, в Эрмитаж, чтоб картины смотрел. Я толстый был, садился на стулья, где тетеньки-смотрительницы сидят, и ждал, когда мама с папой вернутся. Чтобы я стал спортивным, дома меня бегать заставляли — ну, бегал, трясся всем телом. На дерево я забирался так: ставил стол, на него стул, карабкался на ветку и командовал домработнице: “Убирай, мои идут!” Потом кричал: “Папа, смотри, какой я сильный — на дереве сижу!” А слезать уже не мог — тюфяк был совершенный. Меня борьбе учиться отдали, а там как бросили два раза на мат, мне хватило.

Все в секции шли разминаться, а я выходил из раздевалки последним — и в буфет. Брал язычки с повидлом по семь копеек, ел, а потом мочил плавки в туалете и счастливый шел домой. Через месяц папа удивился: “Столько занимаешься, а как был толстый, так и есть”. Пошел к тренеру, а тот: “Какой мальчик? Этот? Да он ко мне не ходит!” Ну, получил я как следует... Потом спортивным все-таки стал. Мама отвела на теннис, я там прыгал-прыгал и допрыгался почти до кандидата в мастера. Плаванием занялся, меня даже в молодежную сборную брали. Потом еще йогой увлекся. Сейчас, правда, себя подзапустил— надо бы форму набрать.

— А йог Арлазоров земные удовольствия себе позволяет? Выпить, например?

— Люблю виски и пиво. Но поскольку сейчас стараюсь прийти в форму, не пью. Да, честно говоря, это для меня и не удовольствие. Пью только для того, чтобы мне не говорили: “А почему ты не пьешь?”

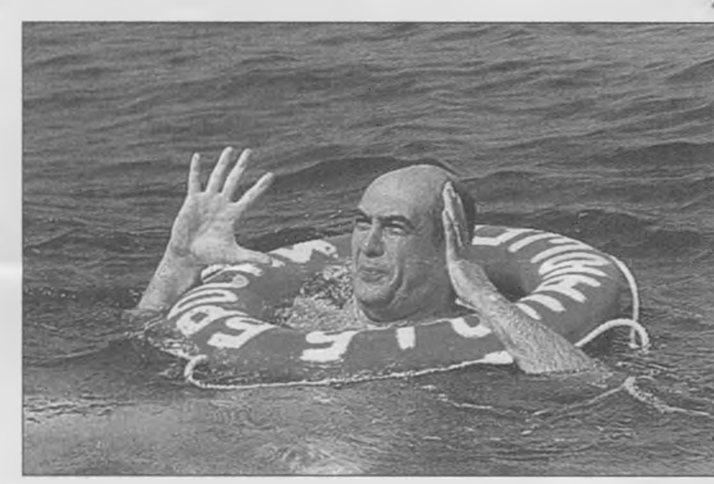
— Ян, знаю, что личная жизнь у вас не сложилась?

— Просто она сложилась так. Мне было восемнадцать лет, когда полюбил. У меня есть дочка, которую я не вижу, к сожалению. Может, в этом моя вина. Я однолюб. И все время считал, что правда должна восторжествовать и дочка, увидев папу, поймет, что к чему. Но, очевидно, в жизни не все бывает, как в сказках. Хотя чувство любви для меня — все равно единственное достоверное чувство, которое можно передать другому.

— А как же со взглядами, которые вы на красивых девушек бросаете?

— Ну, это мужское, тут любви нет. Скорее попытки старого дурака встрепенуться. А на влюбленный взгляд я, может, уже и не способен.

16



— Слышала, у вас собака есть?

— Собака чудесная — американский коккер. Какие уши! И глаза умные. Зовут ее Ришар — в честь Пьера Ришара. Правда, имя ей придумывал не я. Сейчас из-за домашних сложностей собаку пришлось отдать – он живет у моего директора Люды, которая ее любит и кормит. Но как только снова “встану на ноги”, Ришара заберу — псу хозяин нужен, мужик.

— Ну а в общем можно сказать, что жизнью вы довольны?

— Сейчас человек говорит на это “да”, когда у него есть деньги. Я не бизнесмен, не деловой человек, у меня нет средств, которые позволили бы не беспокоиться за собственное будущее. Но все равно в сегодняшней жизни чувствую себя лучше, чем в той, которая была. И потом, лучше России, места, где мы живем, в мире нет. Знаю это, потому что поездил много. Вы, наверное, заметили, что почти все, кто из России уехал, возвращаются назад: увидели, что Запад не рай. А мы здесь, идиоты, начинаем идти по пути, по которому там идти уже закончили. Потому что поняли: главное богатство — душа, а не деньги, виллы, “Мерседесы” или обеспеченная банковским вкладом старость. И если душа у тебя пострадает, никакое богатство не спасет. И не надо ничего просить у Бога. Я просил очень долго и, думаю, так, как никто не просил, но меня, видимо, не послушали. Поэтому теперь думаю так: что у Бога ни проси, все равно будет так, как он скажет.

Татьяна Пеканцева.
Фото Бориса Кремера.